

18+

Анастасия Махрова

Дом на Вишневой улице

Вишневая
улица

17

Он примет каждого.

Анастасия Махрова

Дом на Вишневой улице

<https://litres.ru/74290759>

ISBN 9785007078825

Аннотация

Уютная история о жильцах одной панельки.

1999 год. Восемнадцатилетний Терентий выпускается из приюта и получает квартиру в доме на Вишневой улице. Терри предстоит многое: не только научиться жить самостоятельно, но и доверять людям.

Дом на Вишневой улице — как живой организм. Он примет каждого, кто нуждается в тепле родного очага.

Содержание

Летопись 1.	5
Летопись 2.	20
Летопись 3.	33
Летопись 4.	41
Летопись 5.	54
Летопись 6.	62
Летопись 7.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дом на Вишневой улице

Анастасия Махрова

© Анастасия Махрова, 2026

ISBN 978-5-0070-7882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорят, у домов есть душа. Сотканная из воспоминаний, запахов, мечтаний, она незрима, но прекрасна, как аромат бабушкиных пирогов. Дом номер семнадцать по Вишнёвой улице стоит на краю пустыря. Заезжие таксисты долго кружат, прежде чем убедиться: нет никаких шестнадцати домов, только семнадцатый. Почему так произошло, не помнят даже старики. Возможно, в середине шестидесятых хотели застроить и пустырь, но он так и остался нетронутым. Дом возвышается над узкой улочкой, как усталый корабль, вернувшийся в бухту. И, если правда это, про душу в домах, то у семнадцатого она точно есть. Пишет дом свои летописи, правда, не на бумаге. Зарубками на дверных косяках, фотографиями на трюмо, надписями в подъезде. Дом надеется, что кто-нибудь их прочитает.

1999 г.

Летопись 1.

Терри

— Тебя нашли не в капусте, это уж точно, — поговаривала тётка Лилия, — в помойке, вот где тебя нашли.

Всё это Терри слышал с малых лет: и про помойку, и что хороших детей не бросают, и про маму — падшую женщину. Казенная кровать, полотенце по выдаче, пронумерованная тумбочка: иногда мальчик думал, что и на нем стоит номер, просто его не видно. Терри и правда нашли возле помойки, завернутого в одеяльце. Двадцать четвертого января, в самые морозы — ещё бы немного, и замёрз. Назвали его по святцам. Что это, Терри точно не знал, да и воспитатели тоже: они открыли перекидной календарь, а там несколько имён святых, родившихся в этот день. С новыми сиротами всегда так делали. Если два имени выпадало, то и фамилию выбирали. Удобно. Двадцать четвёртое января был днём урожайным: Фёдор, Терентий и Михаил. Терентием называли, а по фамилии Мишин. Терентий иногда думал — а наоборот нельзя было? Он хотел быть Фёдором Терентьевым. Или Михаилом, тоже хорошее имя. Но тётка Лилия решила так, а с ней никто не спорил.

Хорошо, что приютские ребята с именем не мучались и быстро сократили до звучного и модного — Терри. Не сказал

бы Терри, что жизнь его в приюте была приятной, но другой он не знал. Жил по расписанию, учился, потому что надо, заправлял кровать как положено. И вот, в конце января девятости девятого пришел ему срок покинуть приютские стены.

Давно пора. Школу он закончил еще в июле, да и после восемнадцатого дня рождения прошло уже несколько дней. Ему дали ключи, немного денег на первое время и пакет с вещами. Новая квартира находилась на окраине города, по адресу Вишневая, дом семнадцать. Терри попрощался с ребятами, пожал протянутые руки. Провожать его к воротам вышли немногие, только Малыш и Серенький. Если с Малышом всё понятно, росту в нем было всего чуть, то почему парня по имени Петр Осколков звали Серенький, никто не помнил. Так уж бывает с прозвищами: приклеилось, не ото-рвешь.

— Держи, Терри. На память. — Серенький протянул ему наушники и кассетный плеер, главная причина зависти приютских ребят. Брат у Серенького слыл бандитом, и ребенка ему не давали, потому он только подарки носил. Сейчас, когда брат погиб, забирать вещи тем более было стыдно.

— Не, Серенький, не могу я, — пробормотал Терри, но друг уже всучил подарок.

— Брось, мне в армию скоро. Отберут. У тебя целее будет. Может, меня когда вспомнишь.

— А я не собирался забывать. Пока, ребята.

— Бывай, Терри.

Щелкнула замком и закрылась железная калитка. Терри чувствовал, как страх сжимает сердце. Мир казался огромным и незнакомым. Он ощущал себя букашкой, ползущей в пасти зевающего великана. Захлопнет — и нет Терри. Куда идти, и где эта Вишнёвая, семнадцать находится, он не представлял.

— Здравствуйте. А не подскажете...

— Доброе утро. Не знаете где...

Из-за потертого пуховика и бритой головы (обычной причёски в их учреждении) его принимали за бывшего арестанта. Похоже, только Терри ничего плохого не совершил. Ну, кроме того, что родился, конечно. Наконец, ему повезло. Добрая старушка всё ему подсказала: и на какой автобус сесть, и на какой пересест. Терри включил кассету в плеере, надел наушники, и под «Чёрную луну» Агаты Кристи отправился искать свой дом.

На Вишнёвой он долго плутал по расквашенной от снега улочке. Где же семнадцатый? Лишь спустя полчаса дошло: серая громадина на краю пустыря, похожая на мертвого кита, вот его дом. Терри не расстроил скромный вид нового жилья. Он был счастлив.

Его первая квартира. Терри нисколько не сомневался, что она будет и последней. Никто ничего ему больше не даст, а сам он на другую не заработает. Да и не всё ли равно? Детей и семью парень заводить не собирался, а ему и однушки хватит. Терри поднялся на второй этаж, где и нашел нужную

квартиру. Обшарпанная дверь отворилась со скрипом. Запах внутри стоял не очень приятный, и первым делом Терри открыл окно, впуская в комнату свежий воздух. Квартира была простенькая: бумажные обои в цветочек, окрашенные коричневой краской полы, линялые жёлтые занавески. Но, — что ему понравилось — было чисто. Его собственный дом, ура! Жаль, воспитание не позволяло шуметь, Терри хотелось петь. В комнате даже мебель имелась: узкий диванчик, столик и тумбочка с покосившейся дверцей. Терри запихал в тумбочку пакет с одеждой. Платяного шкафа не было, да он ему был и не нужен.

За окном, выходявшим на двор, бурлила жизнь. Сквозь распахнутую форточку доносились голоса старушек, остановившихся поболтать, ребятня гоняла шайбу на катке, по дереву осторожно лазил чёрный кот. Дорога от приюта до Вишневой заняла у Терри почти три часа, время близилось к обеду. Очень хотелось есть.

На кухне обнаружился старенький холодильник. Гарнитур и стол тоже имелись, в столе нашлись алюминиевые ложки и вилки. Казалось, что предыдущий хозяин просто вышел покурить, сейчас вернётся и прогонит его. В углу пылилась газовая плита.

Газовая. Плита. Ужас сковал внутренности, узлом стянул живот. Терри боялся огня, почему — понятия не имел. Был только страх: всегда, сколько он себя помнил. Даже если пересилить его и подойти к плите, как зажигать её, парень не

знал. Всю жизнь он получал еду готовой и горячей. Искусству кулинарии его никто не учил, покупать продукты в магазине тоже. Поискав в кармане куртки мятые купюры, Терри вышел на площадку и побежал вниз. В доме имелся лифт, но Терри скорее прыгнул бы с окна, чем спустился в этой непонятной штуковине. Старушки, которые разговаривали на улице, с недоумением уставились на него, словно на зверя невиданного. Поборов смущение, Терри решил спросить, где находится магазин.

— Простите, вы не подскажете, где здесь ближайший продуктовый?

Молчание прервала старушка поупитаннее, в синей вязаной шапочке.

— А ты откуда взялся-то, хлопец? Приехал к кому?

— Нет, я теперь здесь живу. В шестьдесят восьмой квартире. — Он указал на своё окно, где забыл закрыть форточку. По выражению лиц бабушек Терри понял, что им давно не приходилось обсуждать чего-то более интересного, чем это.

— Ты в квартиру Ивана Пантелеймоныча заселился? Надо же. Купил, что ли? — спросила худенькая старушка. Выговор у неё был странный, с ударением на букву «О», причём находила она букву даже там, где её не было.

— Нет, мне государство выделило. Как сироте.

Эта новость бабушкам не слишком понравилась. Мало того что он выглядел как бандит, так и ещё и сирота при-

ютский. Они наверняка представили, как Терри приводит в квартиру наркоманов, или устраивает пожар, уснув пьяный с сигаретой.

— А где сейчас Иван Пантелеймоныч? — поинтересовался Терри. Живот предательски заурчал.

— Так помер он, касатик. Уже пять лет как, — бодро ответила синяя шапочка, не переставая его разглядывать, — родни у него не было, вот и перешла квартира государству. А здесь, стало быть, тебе дали. Смотри уж, не бедокурь.

— Не буду. А магазин где, не подскажете?

Бабушки подсказали. Терри прошел два квартала, где обнаружился обшарпанный бетонный магазин с незамысловатым названием «Супермаркет». В магазине он рассеянно походил вдоль полок: столько продуктов он в жизни не видел. От мысли, что всё это можно купить, у него часто забилося сердце. Но как ему поступить с плитой? Хочется чего-то горячего, а не хлеба с маслом. Побродив по магазину и поняв, что ничего не понимает, Терри решился и подошёл к девушке, скучающей за кассой.

— Извините.

Она подняла на него усталый взгляд. Девушкой её можно было назвать с натяжкой, но Терри нутром чуял, женщиной лучше не стоит. Растянутая футболка с надписью «Титаник», а поверх шаль — что-то между двадцатью пятью и бесконечностью.

— Чего тебе?

— Я не могу разобраться с продуктами.

Девушка подошла к полкам. Магазин хоть и был небольшим, но всё имелось: продукты, бытовая химия, хозяйствы.

— Тебя мама послала? Давай список. — Она протянула руку, но Терри покачал головой.

— Нет, не мама. — В свои года Терри с трудом выглядел на пятнадцать, это он знал. Всё равно было немного обидно.

— Мне восемнадцать!

— А, понятно, — равнодушно ответила девушка, щелкнув жевательной резинкой. — Что нужно купить?

Терри вздохнул, пытаясь собраться с мыслями:

— Не знаю. Я люблю рис. Ещё рыбу. И чай нужно купить.

— Вот рис. — Девушка показала на пакетики с крупой.

Терри с недоумением уставился на них.

— Он не жидкий. Сухой какой-то.

— Его сварить нужно, дурень.

— А варить как?

Девушка вздохнула, и, скрестив руки на груди, пытливо посмотрела на него.

— Студент? Из деревни что-ли?

— Нет, пока не студент.

— Может, детдомовский?

Терри опустил голову. Совсем ничего не рассказывать не получится. Он понимал, что выглядит как пещерный человек.

— Нет, приютский. За городом есть приют, имени Павли-

ка Морозова. Вот, оттуда.

Она кивнула и махнула рукой вдоль деревянных полок:

— Деньги есть? Бери пакет, идём. На первое время тебе нужна крупа и мясное. Можно рыбы взять, если любишь. Вот, гляди, это рис. Знаешь, как варить?

— Нет. — Терри едва поспевал за ней.

— А бабушки, тетки? Спросить есть у кого?

— Я пока ни с кем не познакомился.

В глазах девушки мелькнула жалость. Ох, только не это.

— Смотри. Вся крупа варится по-разному, я тебе напишу как.

— Спасибо, я...

— На, макароны возьми. — Она смело бросала в его корзину продукты. — Из мясного бери пока только котлеты. Надо постепенно учиться готовить. Холодильник есть?

— Да, есть.

— Отлично. Включи его в розетку, не забудь.

— Хорошо. — Терри радовался, что незнакомая продавщица разжёвывает ему всё, как младенцу.

— Что там еще... — Глаза девушки бегали по полкам. — Чай, вот этот бери. Хороший.

— Это чай? — ужаснулся Терри, — Но чай жидкий.

— Ещё скажи, что он сладкий, — закатила глаза девушка.

— Конечно.

— Чай нужно заваривать, малыш. Кипятком. Тебя как зовут?

— Терентий. — Голова шла кругом. Даже чай нужно варить. Как сложно жить одному.

— Тамара. — Представилась новая знакомая, но затем её позвали, и она ушла. Терри остался один, наедине с полками, которых теперь боялся. Мир, понятный и предсказуемый, рушился на глазах. Он не знал, чего ждать. Вдруг окажется, что борщ не продаётся, и его тоже нужно варить?

#

Он растерянно взял в руки несколько упаковок, но в страхе клал обратно. И здесь тоже — «варить пятнадцать минут». Почему нельзя продавать всё готовое?

— Разобрался? — Тамара прибежала быстро, словно боялась оставить его одного. — Так, бери печенье, его варить не надо.

— Да понял уж.

— Чайник есть? Плита?

— Нету чайника. А плита... она газовая. — Он содрогнулся от ужаса. Тамара взяла его за руку и потащила вглубь магазина.

— Бери вот эту плитку, с одной конфоркой. Она не дорогая, не бойся. И этот чайник. Придешь домой, сунь штепсель в розетку и налей воды.

— Из крана?

— Нет, из крана вода в нашем районе не очень. Вот, возьми бутилированную, там разберешься. В квартале отсюда ко-

лонка есть, многие там набирают. Когда вода закипит, налей в кружку и сунь туда пакетик чаю. Если любишь с сахаром, на вот тебе. Лучше рафинад возьми. Два кубика на кружку и размешать. Понял?

— Всё понял, — благодарно кивнул Терри. — Спасибо вам большое!

Они распрощались у кассы почти как друзья. Срывался мелкий снежок, ветер пробирался под куртку, холодил голую шею.

— Эй, Терентий!

Он обернулся. Тамара, закутанная в пуховик, бежала к нему по серой снежной кашнице.

— Я что-то забыл?

Она, запыхавшись, остановилась, прикуривая сигарету. Невысокая, полноватая, но глаза добрые. Терри она понравилась. Хорошего человека видно сразу.

— Послушай, я только сообразила. Тебе ведь работа нужна?

— Не помешала бы, — пожал плечами Терри. — Денег, что мне дали, на месяц примерно хватит.

— А что умеешь? — спросила она затягиваясь.

— Ничего. Может, носить товар, или как это называется? Я сильный.

Тамара скептически осмотрела его субтильную фигуру.

— Нам грузчик требуется. Все, что были, пьют без просыху. Три дня и нету. У тебя как с алкоголем?

— Я не пью, — испуганно пробормотал Терри, — И никогда не пил.

— Так уж и никогда?

— Честно.

— Ты ещё Павликом Морозовым поклянись. Прости, я шучу. Приходи завтра в восемь. Я скажу хозяйке, что ты мой брат из деревни. Не пьешь, не куришь. Немного тронутый...

— Эй, я не тронутый.

— Так докажи, — Тамара бросила в снег сигарету, — И не опаздывай. Часы у тебя есть?

— Нет, — пожал плечами Терри, — откуда им взяться.

Тамара вздохнула.

— Ладно, приходи во сколько придёшь, только пораньше. Я принесу тебе старые часы своего младшего.

— Младшего брата? — переспросил Терри.

— Сына, малыш. Мне тридцать, и у меня двое детей. Не опаздывай.

— Постараюсь.

Он вернулся домой. Из форточки нещадно дуло, и Терри закрыл её. Время было уже порядком, около пяти вечера, а он так и не ел ничего. Он разложил продукты и сел на стульчик в кухне. Что делать дальше? Нужно вскипятить чай. Он налил в чайник воду из бутылки, потом, как наказывала Тамара, включил в сеть и чайник, и холодильник. Те приветственно загудели, зашипели. Здорово. Когда чайник закипел, он аккуратно плеснул кипятком в щербатую кружку,

найденную в запасах Ивана Пантелеймоныча, и опустил пакетик, затем закинул сахар и попробовал. Горячо. На плитку он поставил кастрюлю с водой, и только сейчас понял — Тамара не написала, как варить крупу. Но есть хотелось лучше прежнего, поэтому Терри высыпал в кастрюлю гречки на глаз. Побольше, чтобы на два дня хватило. Залил водой. Он уже понял по описанию на пачках, что без воды почти ничего не сваришь.

Эх, увидела бы сейчас его тётка Лилия! Она-то предсказывала, что пропадёт он, — не сможет жить один и пить станет. А нет, вот живёт и еду себе варит. И выпить не купил. Неизвестно отчего (хотя, конечно, известно, назло тётке), он считал, что не должен пить алкоголь. Мать его наверняка пила, раз оставила ребёнка. Ну и он, если начнет, сразу сгинет.

— А потом ты тоже бросишь своё дитя, — увещевала тётка, надевая ему штаны на прогулку или затягивая шарфик. — Будешь пить, таскаться с девчонками шалапутными, как твоя мать, и заделаешь ребёнка. Он тоже окажется у нас. Думаешь, я не знаю? Столько вас на моём веку было... Потерянное поколение.

Пахло паленым. Терри вскочил. Каша подгорела и темнела на дне кастрюли, как земля после снега — чёрная, неприглядная. Терри выключил плиту и стал шмыгать носом. Чай в кружке стал очень темным, Терри такой не любил. Что же делать? Поесть хлеба и лечь спать? У него и простыни-то нет. Права были тётка Лилия, сгинет он.

Стук в дверь напугал его, ведь Терри гостей не звал.

— Кто там? — спросил он осторожно.

— Свои, открывай.

Свои. У него никогда не было своих. Терри, замороженный новым словом, открыл дверь. В проеме стояли трое: две уже знакомые ему бабушки и незнакомый пожилой мужчина. Он первым вошёл в коридор и пожал ему руку:

— Дед Антон меня можешь звать. Петровна с Ивановной говорят, что детдомовский ты, едрить налево?

— Нет, приютский. — Терри понимал, что выглядит несолидно: линиялая футболка, кальсоны, с пузырями на коленках, бритая голова.

— А есть разница? Одна пагуба. — Дед Антон посмотрел на его зареванное лицо, хмыкнул и решительно прошёл в кухню. Поцокал языком, сунул кастрюлю с гречкой в раковину. Та испуганно зашипела. — Я тоже в детском доме жил когда-то. Ты не бойсь, парень, всё наладится. Как тебя звать-то?

— Терентий, — пролепетал он. — Ребята звали меня Терри.

— Я тебе борща принесла, Тереша, — Одна из бабушек поставила термос на стол, застеленный цветастой клеенкой. — Зовут меня Марь Иванна, живу этажом ниже. Обращайся, коли чего.

— А я на шестом живу, в восемьдесят второй. Зовут меня Зинаида Петровна. Тоже зови, помогу.

— Я в семьдесят второй, над тобой прямо, — сказал дед Антон, осматривая комнату. — Так, постельное тебе нужно, одеяло и подушку. Сейчас у жены спрошу.

— Принесу-ка я кухонные полотенца, — засуетилась Петровна.

— Ну да, едрит налево, — скептически хмыкнул дед Антон, качая головой, — парню же без них никуда. Лучше мыла принеси кусок и обычное полотенце. И зубной пасты.

— Я возьму пасту. У меня есть запас, — оживилась Марь Иванна, и они все куда-то исчезли.

Как ангелы небесные: были и нет. Терри сидел, как громом пораженный. Он не понимал, как такое возможно. Он, никому не нужный парень, вдруг стал интересен кому-то. Кто-то незнакомый переживает: как он будет спать, есть, умываться. Разве такое возможно?

Не прошло и пяти минут, как соседи вернулись и принесли обещанное. Марь Иванна ещё и конфет принесла.

— Всё равно лежат без дела. Внуков не дождешься.

Из термоса она налила в тарелку борщ, нарезала хлеб и розовое сало с прожилками. Дед Антон застелил диван, подкрутил расшатавшуюся тумбочку, Петровна развесила полотенца. Они не молчали: вспоминали Ивана Пантелеймоновича, вслух рассуждали о ремонте, и о том, что нужно окна законопатить, дует. В горле у Терри стоял ком. Он снова заплакал, хотя и не знал почему. Не плакал лет с двенадцати, привык держаться, иначе пропадешь, а здесь ревел как ребен-

нок, роняя слезы в горячий, вкусно пахнувший борщ.

— Ну, будет, парень. Всё хорошо, — бормотал дед Антон.

— Мы тебе поможем.

— Кушай, Тереша. Вкусно?

Терри ел, а Марь Иванна гладила его по голове.

Летопись 2.

Илья

Холодный январский день клонился к закату, за подъездным окном лютовала метель. Под потолком тускло мигала лампочка — вот-вот перегорит, — за обитыми клеенкой дверьми бормотали телевизоры. Илья поглубже закутался в воротник куртки, подпернул поводок с засыпающим на ходу Чарли и вошел в сумрак лестничной клетки. Возле лифта толпился народ — знакомые и незнакомые люди устало переминались, ожидая спускающуюся кабину. Стоило подождать, но гуляли они с Чарли долго, хотелось домой, в тепло. В лифт вошли пятеро человек и собака. Норму это не превышало, если верить предупреждающей табличке, но, тем не менее, проехав два этажа он вздрогнул и замер. Свет тут же отключился, на потолке мягко зажглась аварийная лампочка, и пятеро случайных попутчиков (и собака), остались стоять в полутьме.

— Господи, да что же это? — первой спохватилась Марь Иванна. — Неужто сломался?

— Что вы так волнуетесь? — откликнулся Илья, — Это ж, наверное, не навсегда. Сейчас всё сделают, вот увидите.

— Правильно бабка волнуется, — отозвался парень. Илья его не знал. В тусклом свете полосы на его спортивных шта-

нах еле заметно мерцали. — Сейчас полночи здесь будем торчать, вот увидите. Меня, вообще-то, баба ждет, а я тут с какими-то лохами застрял.

— Фу, как можно так выражаться. — Девушку-студентку прижали к стенке лифта, и голос ее доносился глухо. Илья ее раньше видел, здоровался, но как зовут, не интересовался. Студентку в ней выдавала стопка книг, которую она прижимала к себе одной рукой. — Все спешат, не только вы. Я вот на пять минут забежала к однокурснице в соседний подъезд, у меня завтра экзамен. Мне срочно нужно домой, ещё столько всего учить... но и то я не ругаюсь.

— Гаф, — громко подтвердил Чарли, и все вздрогнули.

— Ещё и собака здесь, — раздался недовольный голос мужчины, — терпеть не могу собак, она мне всю одежду испортит. Давайте попробуем позвать на помощь. Провести ночь в малознакомой компании — то ещё удовольствие. Мне тоже нужно домой поскорее, куча дел. Не только у вас завтра экзамен.

— Вы тоже экзамен сдаете? — опешила девушка.

— Не сдаю, а принимаю. — Голос был не теплее Охотского моря. — Я профессор в университете.

— Хватит болтать, чел дело говорит. Надо позвать этого Самоделкина, который лифты чинит. Эй! Есть кто живой, мать вашу, мы застряли! — парень крикнул так громко, что Илья испугался.

Все начали кричать наперебой, Чарли подвывал. Спусти

некоторое время случайные узники замолчали, смирившись с поражением. Поздно уже, вечер, их могли и не услышать. Оставалось лишь надеяться, что кто-то из жильцов будет проходить мимо. Илья запоздало подумал о маме. Что будет, если он не придет ночевать?

— А как же аварийная кнопка? — спросила девушка. — Нажмите кто-нибудь.

— Не надо, — тихо ответил Илья, смутившись — Её выжгли. Ещё два года назад.

— Интересно, кто же? — ехидно осведомился профессор.

— Неважно.

— Я постоянно с ЖЭКом ругаюсь, а что толку? — вздохнула Марь Иванна. — Вот вчера, к примеру, отключили свет. Бразильский сериал шёл, «Жестокий ангел», и нате. Как я теперь узнаю, что там у Паулы с Родригу?

— О, точно, — оживился парень. — Бабуль, у тебя наверняка есть в телефоне все номера авариек, спасательных служб. Звякни, скажи, что мы тут проросли ждать. Да и вообще, оторвись там, как вы умеете.

— Какой телефон, балбес? Я тебе что, бандит, телефоны иметь? — возмутилась бабушка. Да и не помню я телефонов и названий... Память уже не та, милок. Квитанции мои Петровна оплачивает, сына ведь не допросишься.

— У-у-у, — также огорченно подтвердил Чарли. Золотистый ретривер занимал добрую половину лифта. Он улегся на полу, положив голову на лапы, и время от времени тяже-

ло вздыхал. Скорее всего, после прогулки его ждал ужин, и Чарли не понимал, почему хозяин не выходит из этой тесной конуры.

После недолгих препирательств выяснилось, что телефон есть только у профессора и парня-спортсмена. Илья не знал, спортсмен ли он, но, судя по костюму, мог им быть.

— У меня сел — раздраженно сказал профессор. — Опять забыл зарядить. Во время сессии меня просто рвут на части.

— Эй, бейба, достань из моего кармана трубу, — парень повернулся к девушке. — Глянь, может у меня есть связь.

— Вот ещё. — В голосе девушки слышалась брезгливость. — Я по карманам не лажу, молодой человек. Тем более в вещах такого, как вы.

— А чё со мной не так?!

— Давай я достану, — отозвался Илья. — Мне бы мамке позвонить. На домашний ведь тоже можно набрать? Мама убьет меня, если приду домой поздно.

Илья придвинулся ближе к парню, пытаясь засунуть пальцы в карман спортивных штанов.

— Молодой человек, это некультурно и неэтично, — обратился к ребёнку профессор. — Он взрослый парень, а вы маленький мальчик, как можно совать руки в одежду незнакомого... Эй, ты в мой карман залез!

Наконец телефон был извлечен, и все убедились: связи в лифте нет. Парень сел на пол:

— Эх, только намазалось с этой кралей. Я думал, мне с такими вообще не светит, а тут она согласилась, позвала, — грустно вздохнул он.

— Видать, та еще шаболда, — скептически сказала Марь Иванна. — Принимать гостей так поздно. Да еще такого балбеса, как ты.

— А чё не так-то? — возмутился парень. — Может, я, типа, небогатый, но сам себе на хлеб зарабатываю, у других не отнимаю. Водителем работаю, если чё. Нормально платят.

— Сразу видно, книжек вы не читаете. — Девушка не спрашивала, а утверждала. — Иначе бы ваш словарный запас...

— Далеко ты уехала, с запасом-то со своим? — хмыкнул парень. — Поди сидишь с книжками целыми днями. А жизнь проходит, слышь? Потом оглянешься — ни мужика нормального, ни денег. Выучишься на библиотекаря или училку и будешь копейки сшибать.

— Да лучше одной, чем... — осеклась девушка.

Профессор снова покричал и постучал в дверь. Тишина. На несколько минут все замолчали. Мерно тикали наручные часы профессора, шумно дышала собака, Илюша гладил пса.

— Ох, ноги болят, — наконец, заговорила Марь Иванна. — Я уж не молодуха, чтобы всю ночь здесь стоять. Кабы было хоть куда присесть...

— Да садись вон на книги, мать.

— На книги?! — взвилась девушка. — Это не просто

макулатура, а книги по философии! Кант, Сенека, Аристотель...

— И что с ними будет, если мать присядет? — поинтересовался парень. — Философы твои давно в могиле, а у старухи ноги больные. А вот если бы это была твоя мамка?

Снова наступила тишина. Наконец, девушка ответила:

— У меня мамы нет. И папы. Авария... Я с сестрой живу. Стараюсь хорошо учиться. Мне обязательно нужно сохранить стипендию, без неё никак. А ещё полы в магазине по утрам мою. Садитесь, бабушка.

Старушка, застонав, села на книги, разминая ноги. Обута она была в мягкие тапочки с вышитыми на них котиками. Илья улыбнулся котикам. Славные.

— Значит, изучаете философию? Занятно, — раздался голос профессора. — А я преподаватель по этому предмету. Веду лекции в ТавГУ.

— Э-м-м. Здравствуйте, Юрий Степанович, — пролепетала девушка, — не узнала вас.

— Да что-то и я вас на занятиях не припомню.

Девушка заметно смутилась. Илье показалось, что ей захотелось спрятаться, да некуда было.

— Философия первой парой всегда, а я в это время полы мою, — пробормотала она. — Но я выучу, я уже почти всё повторила! Блин, только время здесь теряю.

— Посмотрим завтра, как вы учили, — продолжил профессор.

— В крайнем случае сдашь экзамен здесь, — подытожил Илья, чтобы подбодрить девушку, но ту, похоже, подобная перспектива не обрадовала.

— Чтобы ты знал, у меня есть парень! — неожиданно сказала девушка после долгого молчания, повернувшись к спортсмену.

— Мне-то что с этого? — удивился тот. — У меня тоже кое-кто есть. Вот, к ней шёл. И вовсе она не шаболда! — недовольно сказал он в ту сторону, где сидела Марь Иванна. — Просто работает медсестрой, и другого времени встретиться нет.

— Ох ты, — оживилась старушка, восторгаясь, словно сеттер, почуявший дичь. — Это что же, Маринка из сёмдесят девятой? Натуральная шаболда, Петровна подтвердит. Уж сколько мужиков, у неё было, соколик, не перечести, и не только холостых. Ты, видно, парень неплохой, поэтому послушай человека с опытом...

Илья почувствовал, как щеки его вспыхнули.

— Не слушай их, — произнес он. — Тётъ Марина раньше к нам приходила, уколы мне ставила. Причём бесплатно.

— Так ведь никто и не говорит, что она плохая, — спохватилась Марь Иванна, видимо, вспомнив о присутствии Ильи. — И мне она уколы ставила, когда спину скрутило. Маринка одна, на зарплату медсестры дитя тащит. Вот и вертится как может.

— Наверное, твоя мама совсем извелась? — спросила у

Илья девушка. — Мы, взрослые, и по большей части одинокие люди. Другое дело — ребенок. Сколько тебе лет? Как зовут?

— Илья, мне одиннадцать, — грустно отозвался тот. Чарли спал, сладко похрапывая. — Мама, она... могла уже лечь спать. А то, что она будет беспокоиться, это я по привычке.

— Лечь спать?! — удивилась Марь Иванна. — Когда сына нет дома?

Илья вздохнул. Он сел на пол лифта, рядом с Чарли, одной рукой обхватив лохматого друга.

— Мама сейчас часто ложится раньше. Или делает вид. Ей будто стало плевать меня и Чарли, когда... С тех пор как папа ушёл.

— Погоди, — встрепелась Марь Иванна, и Илюша вздрогнул. Этого-то он и боялся. — Слепая стала. Ты ведь Илюшка, сын Женьки Петрова, из семьдесят третьей? Во-о-о-от, это всё Маринка твоя! — Ее палец уперся в куртку парня. — Сбила мужика с панталыку! Жена его выгнала, теперь он, бедолага, мается. А ей хоть бы хны.

Парень тихо выругался, обхватив голову руками. Илья не выдержал и заплакал. Одно дело, когда все это обсуждалось дома, другое — слышать про их историю здесь, при всех... Девушка прижала его к себе и зашептала в макушку:

— Тихо, Илюша, успокойся. А вы думали бы, что говорите при ребенке! — обратилась она к Марь Иванне. — Взрослая ведь женщина.

— Ох, прости, забылась я...

— Папа хороший, — сквозь слёзы выговорил Илья. Стыдно рыдать при всех, но успокоиться не получалось. — Он нас любит и каждую неделю приходит, но мама не может его простить. Я часто теперь один. То есть с Чарли.

Разговоры стихли. Илья всхлипывал, прижимаясь к девушке, собака проснулась и тревожно поскуливала, переживая за хозяина, парень в углу еле слышно ругался. Лишь профессор был молчалив и невозмутимо вертел в руках связку ключей.

— Наверное, у меня всё же нет никого, — вдруг сказала девушка.

Парень перестал браниться и поднял голову:

— А что так?

Девушка замешкалась. Илья снова примостился у лап Чарли, обняв его за лобастую голову.

— Есть у меня знакомый... Такой вежливый, серьёзный, красиво ухаживает. Всё бы ничего, но сестра считает, что он женат. Выходит поговорить по телефону в другую комнату, да и вообще ведёт себя странно. На днях он подвозил меня в университет, и в машине лежала детская игрушка.

— Шаболда на шаболде. Что за подъезд...

— Нет! — воскликнула девушка. — Если я и раньше сомневалась... Знаете, ведь очередь ко мне из мужчин не стоит, в этом парень прав. Кому нужна бедная и не очень красивая девушка...

— Со своей жилплощадью, — вставила, со знанием дела, Марь Иванна. Старушкой она была неплохой, но сплетни погонять они с Петровной любили. — Я вспомнила. Вы купили квартиру Семеновых.

— Просто если я раньше сомневалась, то теперь, глядя на Илюшу, понимаю, сколько горя могу принести кому-то. Нет у меня парня. Лучше буду сидеть дома и книжки читать.

— Что в них такого, в книжках твоих? — буркнул парень. Похоже, он смирился с утратой отношений с тетей Мариной.

Бледное личико девушки, еле различимое в свете лампочки, вытянулось от огорчения.

— Ну а ты как проводишь вечер? Пьешь пиво и смотришь сериалы? — язвительно спросила она.

— Не пью я, — возмутился парень, и, помолчав, добавил. — Родители мои пьющие. Я насмотрелся, ну? Как они, я не буду точно. Я с шестнадцати работаю, как девять классов закончил. Младшим братьям помогаю, да и забулдыгам своим. Жалко их. Комнату снимаю в квартале отсюда. А вечерами фильмы смотрю, и еще... Есть у меня хобби, так-то. Нет, я это... принципиально не пью!

— Ну и компания подобралась, — усмехнулся профессор, — Сплошь сиротки и обездоленные.

— А ты кто такой будешь? — неприязненно спросила Марь Иванна. — Уж не Никифоров ли из восьмьдесят третьей? Кто бы говорил, милок, уж мы с Петровной всё знаем. Жена тебя бросила лет десять назад. И сына забрала, потому

как ты их каждым куском хлеба попрекал. Петровна, знаешь ли, врать не будет.

— Я один не потому, что меня бросили, — с раздражением произнес профессор. Илья тоже узнал его. Нормальный дядька, и машина у него крутая. — Это мой жизненный выбор. Человеку не обязательно нужен другой человек для существования.

— Ну да, ну да, — хмыкнула старушка.

— Илюша, — позвала девушка, — ты заходи к нам. В любое время, но лучше вечером. Я дам тебе книги почитать. Меня зовут Таня, я из шестьдесят седьмой.

— А я Марь Иванна, из шестьдесят четвёртой, — сообщила бабушка, — ко мне тоже заходи. Как муж мой умер, я всё одна да одна. Сын в другом городе живет, и внуки тоже. Заходи, можем чаю попить, фильмы посмотреть.

— Зайду, — тихо ответил Илья. — И к вам, Таня, тоже.

— Танюх, ты устала поди, — сказал парень. — Садись, я свою куртку постелю!

— Ох, разве можно? — засомневалась Таня. — Я ведь вас совсем не знаю.

— Ты чо, я же ничего такого. Я не кусаюсь!

— Гафф!

— Чарли тоже так думает, — засмеялся мальчик.

Таня села на куртку и кабина лифта вновь погрузилась в тревожную полудрему. И тогда из-за двери послышалось:

— Сынок, ты тут?

Это был папа! Но что он здесь делал, он ведь...

— Папа! — обрадовался Илья. — Ты как тут оказался?

— Мама позвонила, — Голос папы был встревоженным.

— Говорит, ушёл с Чарли и нет. Я скорей сюда, весь квартал обошёл. А сейчас иду, слышу, кто-то разговаривает. Сынок, ты как?!

— Мужик! Позови на помощь.

— Помогите нам!

Люди в лифте оживились. Папа дозвонился в аварийную службу, откуда вскоре пришел заспанный рабочий с лёгким запахом перегара. Через пять минут в кабине лифта загорелся свет, и он с тихим гудением тронулся с места, открыв двери на ближайшем этаже. Марья Ивановна, охая, встала с помятых томов древних философов и ушла. Профессор, ни с кем не попрощавшись, выскочил и поспешил домой бегом по лестнице. Взмолнованный папа обнимал Илью и Чарли.

— А тебя как зовут? — вдруг спросила Таня у парня. Она с таким интересом разглядывала его, что Илья смутился.

— Толян, — пробормотал парень, поправляя взлохмаченные волосы.

— Ты тоже как-нибудь заходи, Толя, — улыбнулась Таня.

— У меня квартира номер шестьдесят семь.

— Я сразу запомнил, — просиял Толян. — Могу и сейчас. К Маринке мне уже не надо.

— Нет, сейчас неудобно, — засомневалась девушка, — поздно, мне билеты учить. Да, и я ведь не шаболда.

Они засмеялись и разошлись. Папа Ильи остался ночевать дома и больше и не уходил. Илья следующим вечером зашел к Тане и узнал, что экзамен она сдала. Несмотря на то, что на два вопроса не ответила, строгий Юрий Степанович её не валил и поставил четыре. Толян ждал её возле университета. Приоделся: сменил спортивный костюм на джинсы и рубашку. Танина сестра хоть и ворчала, но тоже улыбалась, видя, как блестят у Тани глаза. А лифт утром починили, и даже заменили кнопку, выжженную Ильёй два года назад.

Летопись 3.

Дед Антон и внук Антон

Февраль в этом году выдался холодным. Давно пришла пора морозам отступить, но зима уходить не хотела. Мало того — начались ветра: промозглые, северные. С пустыря несло ледяную крошку, которая норовила забраться за шиворот. В один из таких серых дней деду Антону пришла идея взять внука на рыбалку. Возможно, идея странная (мальчику всего семь, он может простудиться), но перед Антоном Николаевичем встала неразрешимая задача — пообщаться с внуком или пойти на рыбалку?

Сын привозил Антошу нечасто — у мальчика учеба, кружки. Лишь иногда в выходные, да на школьных каникулах. Вот и сейчас такие каникулы выдались. С выходом на пенсию дед Антон пристрастился к рыбалке. Не то чтобы его жена Надя, так уж любила чистить рыбу, да и есть тоже, но сам процесс ловли успокаивал деда Антона и примирял с действительностью. Хорошее дело — взять с собой удочку, багор, термос с чаем, и посидеть в тишине заснеженного лесного озера, слушая, как глухо каркают в небе вороны.

Внук хоть внешне и походил на деда, характером явно был не в него. А, может, это просто время такое? Антоша всем занятиям на свете предпочитал игры в приставку. Часами ма-

лыш мог сидеть, уставившись в экран телевизора, где мелькали человечки, бегающие по кубикам. Дед Антон иногда подходил к нему, смотрел, — занятно, но скучновато. Рыбалка лучше.

Когда рос сын Лёшка, отец Антоши, у них дома были лучшие игрушки: железная дорога, большие машины, книги. Многие из них достать было тяжело, зато у Лёшки собирался весь двор. Сам Лёшка играл редко — ему скорее нравилось быть особенным, иметь то, чего у других нет. Когда Лёшка вырос, эта черта в нём осталась. Сейчас на пенсии у деда Антона и его жены Нади и радостей-то было — поговорить с соседями за чайком, да внука в гости дожидаться. А когда дожидались, часто видели лишь его вихрастую светлую головёнку у телевизора.

— Антоша, может, пирожков?

— Не, баб, не надо. Может завтра.

— Да зачем же завтра, все одно, тесто завела. Скажи с чем хочешь?

— Не надо, ба, не заморачивайся. Лучше отдохни.

Но бабушка считала, что отдохнула достаточно, поэтому на месте ей не сиделось. Она выискивала, чтобы ей погладить, заштопать, постирать. Не слушая внука, она всё же пекла пирожки и варила ароматное какао.

— Как вкусно, ба, — восторгался Антоша, жуя пирожок и не отрываясь от игры.

— А что, если тебе книжку почитать? — спрашивал дед

Антон. — Можем и вместе. От твоего папы куча книг осталась. «Малыш и Карлсон», «Эмиль из Лённеберги», даже «Мальчик со шпагой» есть.

— А что это?

— Там мальчик увлекался фехтованием. Знаешь, как интересно? Бои на шпагах, турниры. У них и клуб был — «Эспада».

— Здорово, дед. Как-нибудь почитаем.

Сегодня терпение деда Антона лопнуло, поэтому, несмотря на непогоду они с внуком пошли на рыбалку. Антоша хотел взять фотоаппарат, подаренный отцом, новенький полароид, но дед не разрешил.

— Ну почему нельзя взять? — канючил мальчик, — Я рыбу хочу сфотографировать и папе показать.

— Придешь домой и сфотографируешь. Рыбу еще поймать нужно.

Надо сказать, Антоша был не в восторге от идеи деда. Собирался он неохотно, то и дело поглядывая в окно, на серую, безрадостную погоду. Зато у деда настроение улучшилось. Они вышли на улицу и спустились к пустырю, где среди снежного поля мелькала вытоптанная тропинка.

— Дед, а что будет, если терминатор схватится с годзиллой? Как думаешь?

— Чего не знаю, того не знаю, Антоша. Помню, схватился я как-то по молодости. Вроде и хиленький был парнишка, а еле справился с ним.

— Правда? — Антоша ускорил шаг, — А из-за чего вы дрались?

— Из-за твоей бабушки.

— А чего из-за неё драться-то?

— Ну, знаешь, — усмехнулся дед, — бабушкой-то она была не всегда. Тогда она была первой красавицей в нашей деревне.

Антоше было трудно идти по припорошенной снегом тропке, и он шёл за дедом — след в след.

— А что за деревня была, дедушка? — спросил мальчик, немного подумав. Видимо, мысль о бабушке, которая была девушкой, ещё не оставила его.

— А вот прямо здесь, на пустыре, и была. Называлась Андреевка. Мы сейчас идём там, где была моя улица.

— А что потом с ней стало? — испуганно поинтересовался мальчик. — Война? Или динозавры?

— По-твоему, я такой старый? — ухмыльнулся дед Антон. — Да просто снесли, а людей расселили. Нам вот с бабушкой в нашем доме квартиру дали.

Они дошли до кромки леса, где заснеженные ветви сосен висели так низко, что приходилось пригибаться, чтобы не получить порцию снега за шиворот. Одну ветку Антошка пропустил, но холодный душ из искрящегося на солнце снега не напугал, а развеселил его.

— Дед, здесь нужно как в игре — обходить препятствия.

— Это уж точно.

Наконец, пришли к озеру. Серебристая гладь водоёма простиралась на километр, не меньше. Пахло хвоей, по деревьям прыгали черные белки, стрекотали сороки.

— А рыба где? — спросил Антоша.

Интересно, что он предполагал увидеть? Рыбный рынок?

— Ее поймать надо. Вот, гляди, у меня здесь и лунка приготовлена. Сейчас кинем подкормку и немного подождём.

Антоша присел на раскладной стульчик, бросая на лунку нетерпеливые взгляды. Дед Антон вдохнул полной грудью. Наконец, в лесу. Только здесь он чувствовал себя спокойно, умиротворенно. Войны, пожары, наводнения — всё это оставалось там, где есть телевизор. Здесь, на берегу озера, был только стрекот дроздов и плеск рыбы в лунке.

— Дед, а мой папа ходил с тобой на рыбалку, когда был маленьким?

— Бывало, — кивнул дед Антон. — Но когда он стал постарше, то перестал ходить.

— Вы часто ссоритесь, — заметил Антоша. — Уже не любите друг друга?

Дед Антон не готов был к таким вопросам.

— Любовь — сложная штука, внучок. Наверное, люблю. Но твой папа не понимает меня.

— Вы же на одном языке говорите, — удивился мальчик.

— Как же он не понимает?

— Наверное, не хочет.

Антоша кивнул, словно бы всё ему было понятно. Забав-

но, самому деду Антону понятно не было, как так случилось, что они с сыном стали почти чужими. Тот много слушал свою жену, которая знаться с простыми работягами не хотела. Дед Антон рад был тому, что ему давали возможность общаться с внуком, большего он и не просил.

— Знаешь, дед, я с моим другом Кириллом тоже часто ссорился. Он не разговаривал со мной, а я с ним. Глеб мне сказал, что Кирилл больше не хочет со мной дружить. И потом представь, что? Я решил поговорить с Кириллом. И оказалось, что Глеб и ему это сказал. Он хотел, чтобы мы не дружили.

— Это другое, малыш.

— Да разве другое?

Дед развел на берегу костер, и когда он немного прогорел, бросил в него жестяные банки с консервами и картошку в фольге. Вскоре запах печёной картошки стал ощутимым, и Антоша принялся.

— Вкусно пахнет.

— На природе всё вкусно.

Поплавок дернулся и затих. Затем — снова в сторону.

— Деда, — прошептал Антоша, — глянь, клюёт.

— Вижу. Попробуй вытяни.

— Я сам?

— А кто же?

Слегка волнуясь, Антоша потянул за удище, которое выгнулось из-за сопротивляющейся в тёмной воде рыбыны.

Наконец, серебристый бок появился на поверхности.

— Деда, ох, деда! Глянь, какая большая! — Антоша счастливо засмеялся, когда дед помог ему, поддев улов сачком. На льду трепыхалась небольшая щучка.

— Это тебе не в тетрис играть.

— Факт.

За час они поймали с десяток щучек-карандашей. Не бог весть какой улов, но Антоша был в восторге. Щеки его покраснелись, чуб взмок. Они вытащили удочку, упаковали рыбку в пакет и сели обедать. Каша с тушёнкой пахла так вкусно, что слюнки текли. Они наломали белого хлеба, дед Антон почистил запеченную картошку и разлил темный, ароматный чай из термоса.

— Ух, дед, вкусно-то как! Почему не придумают чипсы со вкусом печеной картошки и тушенки? Это ведь супер.

— Это вкусно только здесь, в лесу, — засмеялся дед Антон. Он был рад, что рыбалка внуку понравилась. — В следующий раз пойдёшь со мной?

— Спрашиваешь! Я и Кириллу расскажу. Он в жизни не ловил рыбу взаправду, да ещё такую большую. Я ведь большую поймал?

— Само собой. Бабушка нам приготовит.

— Здорово! Я добыл еду, как пещерный человек.

Назад они шли, когда холодное зимнее солнце уже скрывалось за горизонт. Антоша устал и хотел спать, но его румяное лицо светилось от радости.

— Дед, а если я вырасту и перестану тебя понимать? Вдруг, когда люди становятся старше, то меняются?

— Всякое может быть, Антоша. — Сердце у деда Антона сжалось. Он уж не стал говорить, что вообще хотел бы дожить до тех лет, когда внук вырастет. Но о смерти с ним говорить совсем рано.

— Дед, если так выйдет, ты знаешь, что мне скажи?

— Что?

— Скажи так: «Антоша, а помнишь речку зимой? Вороны каркали, а вдали волки были».

— Разве были?

— Точно тебе говорю. Так вот, скажи мне тогда, деда, ладно? Как мы кашу ели и чай пили, и как я сам шуку вытащил. Скажешь?

— Хорошо, скажу.

— И когда я это вспомню, то сразу вспомню, как люблю тебя.

— И я тебя люблю, внучок.

Жареная рыба тоже оказалась очень вкусной.

— И бесполезно делать чипсы со вкусом жареной рыбы, — уверенно сказал Антоша, уплетая ужин, — ведь, чтобы она была вкусной, нужно её самому поймать. И долго побыть в лесу. Правда, дед?

— Верно, внучок. Схватываешь на лету.

А сфотографировать рыбу забыли.

Летопись 4.

Стёпка

Про его маму в доме ходили нехорошие слухи. Стёпка прожил в доме на Вишнёвой полгода, и почти всё это время старушки, обычно сидящие на лавочке у подъезда, на миг умолкали при виде него.

«Ох уж эта Маринка», — говорили они, — «Сегодня один, завтра другой. Мальчишку родила непонятно от кого. Мужика чуть из семьи не увела. Хорошо хоть вернулся».

Стёпка не понимал, как можно такое говорить о его маме, и если слышал подобное, сразу вступался. Никаких мужиков у мамы нет, есть только он, сын ее. Если были бы мужики, он бы заметил. Бабушки краснели, и при Стёпке таких разговоров больше не заводили. Мама звала его Стёпушкой. Она была хорошей, только уж слишком его опекала. Стёпка читал книги про путешественников и отважных полярников: он хотел покорять неведомые земли, строить космические корабли. Но выглядел, как обычный ботаник.

Ботаник. В прошлой школе его так не звали, а в этой кличка прицепилась в первый же день. Из-за очков, наверное. А, может, из-за того, что всегда выполнял домашние задания. За полгода в новом классе и доме он не завел друзей. В его подъезде жил одноклассник Илья, но с ним Стёпка не хотел

дружить. Илья славился своим хулиганством: бил лампочки, выжигал кнопки в лифте. В школе он учился неплохо, но только из-за того, что у него была отличная память. Стёпка сам видел: перед уроком Илья быстро читал заданное дома, и сразу же рассказывал. А ещё Илья дружил с хулиганом с Той Стороны.

Та Сторона. Незведанная местность для такого мальчика, как Стёпка. В поселке, откуда они с мамой переехали, всё было просто — одна школа с небольшими классами, около десяти человек в каждом. Все жили одинаково бедно, и делить было нечего, потому и ссор не было. Стоило ему переехать на Вишневую, как он узнал — их небольшой город разделён железнодорожной магистралью на две разных вселенных: Наша и Та сторона. Это разделение будоражило Стёпкино воображение. Ему представлялось, что при пересечении железнодорожного моста можно попасть в унылое, недружелюбное место, что-то вроде тexasской прерии или арктической пустыни. Ту сторону населяли злобные мальчишки, которых хлебом не корми, дай подраться. Баклан, друг Ильи, был с той самой запретной стороны, как так получилось, непонятно. Его одноклассник дружил с врагом и нисколько не переживал по этому поводу. Но и это было не главное: папа Ильи и был тем мужчиной, которого мама пыталась увести из семьи. Пыталась она или нет — история умалчивает. Стёпка встречал дядю Женю только в подъезде, дома у них он не появлялся.

А ещё у Стёпки была бабушка. Самое интересное, что это была не его бабушка. Пожилая женщина жила в его подъезде на первом этаже. Она всегда махала Стёпке, когда он шёл в школу. Он улыбался и махал ей в ответ. Кто-то скажет, что это глупость, но у Стёпки не было своей бабушки. Разве нельзя было иметь воображаемую? Мальчику представлялось, как они знакомятся. Как пьют чай, и как бабушка говорит ему, какой он славный, и как давно она мечтала о таком внуке. Раз есть усыновление, овнукивание разве не может быть?

Однажды он поделился этой мыслью с мамой, но та лишь усмехнулась, глядя его по голове:

— Стёпушка, сынок, в этом мире ты можешь надеяться только на меня. Какие приемные бабушки? Не бывает такого. Ты видел этих старых вешалок у подъезда? Они только и думают о том, как испортить жизнь честной женщине. Чужие дети им точно не нужны.

Стёпка соглашался, но в душе не переставал надеяться. Ему хотелось верить, потому что он хотел этого больше всего. Безногий мечтает о протезах, слепой — о том, что будет видеть. Стёпка продолжал мечтать о своей бабушке. Мама часто была на работе в больнице, и мальчик был один. Ночевал, вставал, в одиночестве готовил завтрак. В одиннадцать лет не каждый так может. Стёпка мог.

И вот однажды февральским днём, когда туман от мороза стелился на пустыре, как одеяло, Стёпка снова шёл в школу.

Он по привычке взглянул на знакомое окно... и понял, что его бабушки нет.

Никто не махал ему поверх цветастой занавески, никто не улыбался грустной улыбкой. Окно пугало безнадёжной пустотой. У Стёпки сердце в пятки упало. Может, что-то случилось? Он побрел по снежно-грязной тропинке, еле поднимая ноги. Что могло случиться, Стёпка прекрасно знал, не маленький. Его мама работала в больнице медсестрой и рассказывала о разном. Люди умирали довольно часто, а если человек пожилой, то и того чаще. Ему хотелось плакать. Он добрёл до калитки школы и остановился.

Неожиданная мысль посетила Стёпку. А что, если беда действительно случилась, но бабушка жива, и ей требуется помощь? Сам не понимая, что делает, мальчик развернулся и зашагал прочь от школы, затем тревожные мысли и вовсе заставили его бежать. Занятия он пропускал впервые в жизни. Очки запотели от мороза, и он не заметил идущего навстречу мальчика.

— Ай!

— Чёрт! Ты куда летишь, ботан?

С ужасом Стёпка понял, что сбил с ног своего соседа Илью, который опаздывал в школу. Илья упал на попу и с интересом разглядывал его, потирая ушибленный лоб. Штаны его испачкались, но то, что Стёпку бы расстроило (за грязные штаны от мамы попадёт), Илью лишь развеселило.

— Ну ты быстрый. Куда бежишь? Учебник забыл?

— Нет. Прости, мне пора.

Он помог Илье встать, неуклюже пытаясь его отряхнуть.

— Да я уже, наверное, опоздал. Жалко, мама расстроится. Училка опять ей нажалуется, а я обещал, что больше прогуливать не буду.

Стёпка стало совестно. Только Илья встал на путь исправления, а тут он сбил его с него.

— Постучись в класс, извинись за опоздание. Тебя запустят.

Тут он вспомнил, куда бежал, и быстро распрощался с соседом:

— Извини, я спешу.

Он снова побежал, отсчитывая заборные столбики и перепрыгивая ямки. Что он будет делать, когда попадет в подъезд, Стёпка ещё не решил. Квартиру вычислить можно, здесь ничего сложного. Постучать, и бабушка откроет. И что он скажет?

«Извините, но вы всегда выглядывали в окно, а сегодня нет. С вами ничего не случилось?»

«Глупо», — подумал Стёпка, но назад не повернул. И когда дом уже показался во мгlistой утренней полутьме, он с удивлением обнаружил, что Илья бежит за ним. Мокрый чуб торчал из-под шапки, и, казалось, что от соседа валит пар. Илья, словно паровоз, набравший скорость, едва затормозил.

— Ты чё?

— А ты чё?

— Я то ничё, а ты чё?

Оба понимали, что этот разговор может продолжаться как угодно долго, поэтому Илья неохотно ответил:

— Провожу тебя. Мало ли.

— А школа?

Илья поравнялся с ним и бодро зашагал рядом.

— Знаешь, я верю в судьбу. Если судьба сегодня против школы, кто я такой, чтобы встать на её пути.

— Так уж и судьба? — усомнился Стёпка.

— Факт.

Они подошли к подъезду, где оба проживали, и трусливо подняли глаза на свои окна: мам видно не было.

— И что у тебя за дело дома? Забыл чего?

Стёпка помотал головой и снова взглянул на заветное окошко, закрытое цветастой занавеской. Эта неоткрытая занавеска пугала его. Сказать Илье или нет? Смеяться будет, и в классе расскажет. Но неожиданно для себя, произнёс:

— Вон там бабушка живёт, не знаю, как зовут. Она мне каждый день рукой машет, с тех пор как я переехал сюда и пошел в школу, несколько месяцев. А сегодня её нету. Вот я и подумал, может, что случилось. Понимаешь?

— Ещё бы не понять, не тупой. — Илья с беспокойством взглянул на окно. Смеяться он и не думал. — Там Марь Иванна живёт. Классная старушка. Я к ней иногда в гости прихожу, чай пить. Она и мне рукой часто машет.

Стёпка почувствовал укол ревности (ага, значит, не ему одному машет), но тут же устыдился. Возможно, бабушка в беде, а он...

— Пошли. — Илья решительно потянул его за рукав. — Постучимся и спросим.

Рядом с более смелым и активным товарищем Стёпка осмелел. Они зашли в подъезд, стараясь не слишком шуметь.

— Вот эта квартира. — Илья постучал, и оба мальчика замерли, ожидая шагов изнутри. Но ничего не было слышно.

— Может, её просто дома нет? — предположил Стёпка.

— В восемь утра? С чего бы.

— Мало ли. В поликлинику.

— Ну да.

Они снова постучали. Стёпка чувствовал себя глупо. И школу пропустил и не узнал ничего. Ещё этот сосед странный. Ведь Стёпка не звал его, чего он прицепился?

— Пойдём ко мне. Мама, наверное, уже ушла, — вздохнул Стёпка, и глаза у Ильи загорелись.

— Пойдём.

Они поднялись на лифте в полнейшем молчании. О чём могут разговаривать друг с другом люди, которые полгода избегали друг друга?

«Зачем я только его позвал?» — тоскливо думал Стёпка.

В прихожей Илья аккуратно повесил пальто и долго отряхивал снег с ботинок. Надо же, чистоту любит.

— Чаю хочешь?

— Не откажусь.

Стёпка чуть не засмеялся. Забавный этот сосед-одноклассник. На улице — хулиган и задира, который запугивает тебя снежком без всякого сожаления. А в гостях прямо пай-мальчик.

— Давно хотел поговорить с тобой, — деловито начал Илья, прихлебывая чай с молоком, — Ты это... ну. Соседи разное говорят.

Стёпке сделалось жарко, лоб покрылся испариной. Он хочет поговорить о ТОЙ ситуации. Только не это. Он в отчаянии посмотрел в окно, где, наконец, рассвело. Ничего интересного там не было. Окна выходили на город: серо-белая, заснеженная дорога, ряд похожих двухэтажных домиков и трубы завода вдали. Вот если бы окна выходили на пустырь и лес, была бы красота. Можно было бы представлять, что живешь в лесу, или..

— Ты ни в чём не виноват.

— Что? — Стёпка наконец, посмотрел на Илью и понял, что плачет. Очки запотели, и он их снял.

— Про это я и хотел поговорить, слышь? Ты так боишься меня, будто я бить тебя буду, ну? За то, что твоя мама с моим папой. Ну, знаешь...

— Замолчи! Это неправда, — разрыдался Стёпка, понимая, как жалко выглядит. Ревёт как девчонка из-за каких-то сплетен.

— Правда, — грустно сказал Илья. — Я сам слышал, как

папа рассказывал маме. Теперь-то уж, чего, ну? Папа вернулся к нам, всё нормально. Почти. А тебя я не виню. Дети ни при чём. Всегда ни при чём.

Стёпка удивлённо взглянул на него, чувствуя, как в груди у него расплетается узел. Клубок за клубком, узелок за узелком. Он даже и не понимал, как его это тяготило, и не нашёлся с ответом, только кивнул и был благодарен соседу за то, что тот сменил тему разговора.

— Интересно, куда всё же баба Маша подевалась? Как думаешь?

— Не знаю.

Илья задумчиво почесал подбородок.

— Этаж-то там первый.

— Ты это о чём?

Илья многозначительно поднял брови, сам подливая себе чай из чайника.

— Ты меня поднимешь, а я посмотрю в окно.

— Нет, — ужаснулся Стёпка. — Ты рехнулся? Это преступление!

Илья засмеялся:

— Преступление? Ну ты загнул. Всего лишь взглянем одним глазком, жива ли баба Маша. А вдруг она там лежит и...

— Я согласен, — испуганно прервал его Стёпка, — идём.

Мальчики оделись и побежали в лифт, толкая друг друга локтями. Лифт отсчитал этажи и остановился на первом, открывшись с глухим щелчком. На всякий случай снова по-

стучали в дверь. Тихо.

— Ладно, пошли, — прошептал Илья.

— А чего шёпотом?

— Сам не знаю. Страшно.

Значит, Илье тоже боязно. Возле окна они долго возились, пытаясь приспособить ботинки Ильи так, чтобы они не соскальзывали со сложенных ладоней. Стёпка понял, что куртка у него испачкалась, и руки тоже. Плевать. Наконец, у них получилось, и Илья, шатко раскачиваясь, завис над карнизом.

— Ну, чего там?

— Погоди-ка. Не видно. Вроде нет никого. Кот только ходит.

Стёпка понял, что долго Илью не удержит.

— Слезай тогда.

— Нет. Давай повыше!

Повыше так повыше. Прощаясь с чистотой брюк, Стёпка чуть подбросил коленом ступню приятеля.

— Что там?

— Кот орет возле ванной.

Стёпка опешил. Он думал, что-то серьёзное, а этот...

— Ты больной? Я сейчас уроню тебя.

— Опускай.

Стёпка расцепил руки, с облегчением вздыхая и потирая покрасневшие пальцы.

— Ты рассматривал кота?

— Тебя Стёпушка звать?

Стёпка и забыл, что они особо не представились друг другу. Они, конечно, знали, и имя, и фамилию, одноклассники всё же. Но ведь так не знакомятся.

— Стёпка меня зовут.

— А меня Илья. А мама меня Илюшей зовёт.

— Как мило.

— Дурак.

— Сам такой.

Илья скептически посмотрел на него, отряхивая штаны:

— Вроде и в очках, значит, умный должен быть. Кот мяукает у двери ванной, значит, хозяйка там.

Они посмотрели друг на друга, терзаемые беспокойством.

— Пошли к деду Антону.

— К кому?

— Увидишь.

Стёпке стало страшно. Он едва поспевал за Ильёй. Никакой дед Антон их слушать не будет. Где это видано, чтобы взрослые всерьёз послушали ребёнка? Со Стёпкой такого не бывало. Может, незнакомого деда Антона дома не будет?

Тот был дома. Мало того что дед Антон не прогнал их, так ещё и выслушал. Он ничего не сказал, узнав, что они прогуляли школу и смотрели в чужое окно, лишь взглянул из-под кустистых бровей, на минуту исчез за дверью, потом появился с ящиком инструментов. Так и не сказав ребятам

ни слова, дед Антон решительно побежал вниз по лестнице.

— Куда он?

— Шевелись давай.

Дед Антон, несмотря на возраст, оказался у двери первым.

— Иванна? Ты дома?

Так же тихо, как и было. Стёпка не успел и глазом моргнуть, как дед Антон небольшим сверлом одолел дверной замок и зашёл в квартиру. Ребята двинулись за ним. Стёпка понял, что цепляется за Илюшин рукав, но тот был не против.

— Иванна? Ты живая?

— Антоша? — слышался из ванной голос. — Это ты? Слава богу!

— Иванна, ты чего там?

— Щеколда заела, Николаич. Уже два часа тут сижу.

— Погоди, я сейчас.

С этим замком дед Антон справился ещё быстрее. Удар ноги — и нет щеколды, вывалилась. Марь Иванна вышла, вся заплаканная и растерянная.

— Ох, Антон, да как так? Чуть не померла со страху. И никак, понимаешь. Ни туда, ни сюда. А ты как попал ко мне?

Дед Антон смущенно повернулся к мальчишкам, радостно сопевшим рядом. Оба мальчика лучились счастьем: ура, всё обошлось! Марь Иванна жива. Стёпка был рад ещё и тому, что оказался прав, и не зря поднял тревогу. Победителей не судят.

— Да вот, ребята беспокоились. Мол, не видать тебя в окне, а всегда было видать. Пришли ко мне, ну я и... Не переживай, входной замок мы вмиг починим. Правда, ребята?

— Правда, Антон Николаич.

— Конечно, дедушка Антон.

Марь Иванна расплакалась и от души расцеловала обоих мальчишек.

— Ох, спасибо, касатики. Ох, молодцы какие.

Замок они действительно чинили втроём. Дед Антон сходил в хозяйственный и всё поменял, а мальчишки помогали держать инструменты. Потом все пили чай у Марь Ивановны. Она забеспокоилась, что из-за неё, глупой, они уроки пропустили. Позвонила их мамам (Илюшиной домой, а Стёпкиной в больницу) и долго благодарила за то, какие ребята у них хорошие и как помогли ей.

— Ты заходи, Стёпушка, не стесняйся. Когда хочешь заходи, слышишь?

— Хорошо, Марь Иванна.

— И ты, Илюша.

— Ладно, Марь Иванна.

Когда за бабушкой закрылась дверь, мальчишки посмотрели друг на друга и улыбнулись. Иногда такие вещи понимаешь сразу — вот не было у тебя лучшего друга, а сейчас он появился. И этого не изменить. Судьба, как сказал бы Илья.

Летопись 5.

Кир Сергеич

Квартирка у Кира Сергеича была небольшой, а кухня и вовсе похожа на лифт. Три шага до окна. Кир Сергеич открыл форточку, и в кухню ворвался бодрый мартовский воздух, наполненный колючими снежинками. Два шага до стола, чтобы включить кофеварку. Её тихое жужжание — неизменная часть утреннего моциона. Насыпать корм коту, аккуратно, чтобы попасть точно в миску. Кот Хельсинг не любил беспорядка, и если еда просыпалась на пол, недовольно мяукал. Целый ритуал, как говорит обычно внучка Алёнка. Но Кир Сергеич сказал бы: постоянство.

Затем работа — важнейшая часть его жизни. Писательство стало его отдушиной. С помощью рук, порхающих по клавишам печатной машинки, используя всего тридцать три буквы, он приносил в этот мир истории. Еще год назад не было завязки, лишь идеи, бьющиеся в голове беспокойными мотыльками. Не было персонажей, сюжета, — сейчас же всё это есть. Киру Сергеичу хочется успеть записать, ухватить в сознании нечто сиюминутное, неподвластное времени и пространству.

Тексты скрашивали его мир. Яркие образы вспыхивали в сознании, оседая символами на листе. Придуманные ис-

тории — его отдушина, они словно глоток воды из ручья в жаркий день, или звон колоколов в Пасхальное воскресенье. Кир Сергеич ощущал единство с текстом, его тепло и пульс, а затем отпускал на волю, как беззаботную птичку.

Кир Сергеич различал блики, очертания, образы. Его кот чёрный, и это хорошо, Кир Сергеич его почти видел. Не наступить бы, вот главная беда. Но Хельсинг не из тех животных, на которых можно наступить.

— Я-у-у! — это Хельсинг пришёл с улицы и вошёл в форточку. Его гибкое тельце легко проникло внутрь, и кот прыгнул на колени к хозяину.

— Пришёл? Ну как там?

— У-я-я! — вскрикнул кот. Он в восторге от марта. Как не понять? Он бы и сам был в восторге, если бы был молодым котом, который впервые встречает весну. Кир Сергеич представил, как юркий прохвост носится по крышам и деревьям подобно чёрной молнии.

— Понимаю, Хеля. — Вот дела, внучка назвала кота Хельсингом. Язык сломаешь. Говорит: похож.

Его печатная машинка специальная, со шрифтом для слепых и слабовидящих. Зрение, что отняла болезнь, компенсировало богатое воображение. Он отлично помнит синеву неба и зелень травы. Иногда Кир Сергеич нарочно выбирал сюжеты, в которых можно окунуться в яркую лазурь моря, или насладиться свежестью летнего луга.

Надо писать. Кот, поев, свернулся в клубок на коленях.

Записывать свои истории он стал не так давно. Всю жизнь проработал учителем, всё откладывал, сомневался. Боялся пробовать. И вот когда жизни осталось всего ничего — решился. Чего уже бояться-то? Что не опубликуют? Ну и пусть. Зато он снова побывает в пустыне, как тогда, в семидесятых. А захочет — и в космосе. Мир огромен и удивителен, когда ты наделен воображением. Конечно, жаль, если его истории никто, кроме внучки, не прочтет. Иногда ему очень хотелось обсудить прочитанное. Но не с кем. Герои жили в его голове, как узники, и лишь на страницах оживали. Кир Сергеич думал, что он всего лишь передатчик между миром эфирным, где рождаются герои, и миром живым. Не расскажет он историю, умрёт, а с ним и его герои. Грустно.

Ровно в одиннадцать приходила внучка Алёнка. Кир Сергеич слышал её шаги издали, еще из подъезда. Чмокнув его в щеку, она обычно ставила на плиту воду для супа. У внучки свой ритуал, и Кир Сергеич хорошо его знал. Она перемещалась по небольшой кухоньке так легко, как могут только совсем молодые люди. Мимоходом гладила Хельсинга, грела остывший кофе, подсовывала под его руку таблетки. Беззлобно ворчала, что плохо ужинал накануне, и почти вся еда осталась нетронутой. Кир Сергеич не обращал внимания на легкую суету и писал, писал. Он знал, внучка не обидится. Наконец, сцена в истории закончена, и он устало откинулся на спинку стула.

— Ну как, дедушка? Получается?

— Нормально. Жить будут.

Он выпил подогретый кофе, поцеловал внучку, спросил, как дела на работе. Кир Сергеич спиной ощущал, как она хлопочет позади него, нарезаая овощи для супа, и в душе его теплилось спокойствие и умиротворение.

— В больнице сегодня такая суeta, ты представить себе не можешь. Если я когда-нибудь стану врачом...

— Станешь, конечно, — улыбнулся Кир Сергеич.

— Ох, если стану, я там устрою всё по-своему.

— Тогда нужно стать главврачом, детка.

— Ага.

Затем внучка читает свежую главу, чуть сбиваясь, потому что волнуется за героев. С её звонким голоском он заново переживает события в тексте.

— Как дела у мамы?

Тема была болезненной для них обоих. Не то, чтобы с дочкой Ольгой у них плохие отношения, скорее они стали натянутыми в последнее время. Кир Сергеич дочку понимал. Все их ссоры из-за одного — она переживает за него, потому что любит, и хочет видеть живым. Год назад у него нашли плохую болезнь. Времени ему дали всего ничего — полгода. Нужно было лечь в больницу на операцию, а Кир Сергеич не захотел. Дочка думала так: сделают операцию, и Кир Сергеич будет жить еще долго. Он же предполагал, что на этом столе его и зарежут. Внучка приняла его сторону — как дедушка хочет, так пусть и доживет свою жизнь. С Алёнкой

Ольга тоже вечно ссорилась. Потокает, мол, деду, сбивает с пути истинного. У всех своя правда. Они созваниваются раз в неделю. К слову, после того, как он стал писать, болезнь немного отступила, словно решила дать ему время. Конечно, потеря зрения не слишком его радовала, но ко всему можно привыкнуть. Полгода прошли и ушли. Уже около года он лечится дома и пишет книги.

— Не умру, пока не допишу, — часто говорит он внучке, и та соглашается:

— Конечно, дедушка. Весь цикл.

На большой цикл замахиваться нет смысла, поэтому он старался вложить в трилогию побольше: эмоций, действий. Пусть финал будет открытым, но с заделом на будущее. Если выдюжит — допишет. Нет, и так хорошо. Не это главное. Кир Сергеич понимал, как важны их встречи внучке.

— Что там, детка?

— А Мэйр победит? Он сможет найти то, что обезвредит ментир?

— Как знать.

— Так нечестно, дедушка, — голос у внучки дрогнул, — мне-то ты можешь сказать? Я ведь твой агент.

— Мой кто?

— Ну, человек, который тебе книгу продвигает. Так что там с Мэйром? А с Ларсом?

— Нет, прости, — помотал головой Кир Сергеич. — Это утечка информации.

— Дедушка, — засмеялась Алёнка, — ты бы поменьше телевизор слушал.

— Всё равно не скажу, — упрямился писатель. — Кто знает, как сюжет повернёт.

— Ну ладно, — согласилась Алёнка. Она вообще человек довольно лёгкий. — Сама всё прочту потом, когда книга будет готова.

Она убрала посуду, вытерла тряпкой пол. Кир Сергеич не видел Алёнку, но чувствовал. В последнее время фантазия так заменяла ему зрение, что оно почти и не нужно.

— Алёнка, а ты сейчас в чём? — спрашивает он. — Пахнет, как шерсть. Наверное, это синий свитер со звёздочками.

— Точно, дедушка, — вновь засмеялась Алёнка.

— А волосы у тебя в косу?

— И верно, в косу. Как ты узнал?

Может быть, Алёнка и лукавила. Любит она его. И Хельсинга любит, и упрямицу маму, и погибшего на стройке отца, и бабушку, умершую десять лет назад. Сердце у этой девочки на месте. Хорошим врачом будет.

— Представь, вот выучусь на врача и найду лекарство от рака. — Она примостилась слева него. Кот тут же прыгнул ей на колени. Если в доме есть лишние руки, способные гладить его, грех такое упускать.

— Точно, детка. А тебе сколько еще учиться?

— Четыре года. Ты уж потерпи.

— Куда ж я денусь.

Так хотелось, чтобы они были вместе как можно дольше. Чтобы маленькая кухня была наполнена запахом кофе, чтобы мурлыкал кот, а свежий мартовский ветер приносил с улицы снежинки. Чтобы новая история грела душу, как лампадка, горящая в знакомом окне. Разве он многого просит?

Алёнка ушла, поцеловав его в висок. От неё пахло так, как не должно пахнуть от девятнадцатилетней девушки: корвалолом. Переживает за него, хоть и не показывает. Дверь за ней закрылась, и Кир Сергеич включил радио. Не для того, чтобы слушать новости, они его давно не интересовали. Сначала он долго пытался поймать нужную волну. Ему некуда торопиться, шуршание радиоволн его успокаивает. Иногда казалось, что он услышит там голос жены. Но вот, тумблер щёлкнул, и нужная волна нашлась.

Майя Кристалинская, Муслим Магомаев... Из приёмника лилась музыка его молодости.

— Как думаешь, Хельсинг, найдёт Мэйр средство против ментира?

— М-р-р. — Кот всегда соглашался со всем, что он говорил.

— А что может помочь ему? Ведь это магический камень.

— У-р-р.

— Правильно, огонь.

Кир Сергеич снова сел за машинку. Три шага до окна — закрыть форточку. Два до стола, ещё кофе, хоть много и нельзя. Долой запреты. Шершавые кнопки отстукивали

ритм, сливаясь со стуком сердца. Книгу надо дописать. Да и кота в случае чего некуда деть.

— Дай мне время, — шептал он в пустоту. — Хоть немного.

Летопись 6.

Тайны Толяна

Весна на Вишнёвой улице не блистала красками. Стоял апрель; деревья без листьев, как худые старички, грязи по колено, вдоль обочин лужицы — но зато тепло наконец. Коты кричали громче птиц, солнце грело спину, а соседский мальчишка Илья подарил букетик. Мальчишке одиннадцать, а Тане девятнадцать, и букетик этот из вербы. Зато как он пах!

Таня прыжком одолела лужу, пересекла ручей, ловко лавируя по шаткому мостику, и, наконец, пришла в нужное место. Конечно, можно было поехать в центр города, и пойти в ресторан, но Таня отлично понимала, что Толян — не её бывший. У Димы было всё: шикарная машина, дорогой костюм, вызывающе красивые часы. Но как оказалось, он женат. Таня решила закончить эту повесть открытым финалом. Когда он в следующий раз позвонил, сестра попросила их не беспокоить. К слову, Дима быстро забросил попытки с ней связаться.

— Уберёг господь, — убеждала её сестра Инна. — Не на свой кусок не разевай роток.

Инна была просто кладезем поговорок, присказок и прочего русского фольклора. В этой ситуации Таня была с ней

согласна. Толян был совершенно непохож на Диму. Он был не слишком образованным парнем с рабочей профессией водителя автобуса, снимал комнату в общежитии на их улице, носил спортивные костюмы и был до смешного предсказуемым — Таня смеялась ещё до того, как Толян шутил. Но в постоянстве и была его сила. Если Толян говорил, что придёт в восемь, то в семь пятьдесят девять можно было открывать дверь. Если утверждал, что купит Тане новый зонтик, то завтра с ним и приходил.

Но Таня всё же боялась начинать с ним отношения. Родители в свое время все уши ей прожужжали про мезальянс, и про разницу менталитета. Она учится в университете, а Толян едва девять классов окончил. О чём они будут говорить, когда пройдёт год или два? Но когда Толя вчера позвал её посидеть в кафе, она всё же согласилась.

— На безрыбье и рак рыба, — кивала сестра, глядя, как Таня собирается.

— Инна, перестань. Мы просто друзья.

— Так и я говорю... — Инна скрылась за книгой, и Таня выскочила на улицу.

Апрель бросался в прохожих мелкими брызгами дождя. Таня пересекла Вишневую и свернула в проулок, где пряталась маленькое уютное кафе. Толян был, как обычно, пунктуален: ждал её у двери и даже сменил обычный спортивный костюм на рубашку-поло и джинсы. Синяя рубашка парню необычайно шла, и Таня не забыла сделать комплимент:

— Классно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже, — чуть покраснел Толян.

Нарядных платьев у Тани не было. Чтобы сменить обычный образ, она попросила сестру заплести ей косу. Инна убрала волосы в колосок, на манер светских дам. Они прошли в сумрачную прохладу зала. Парнишка-официант проводил их к столику в самом углу. Тане это понравилось. Чем меньше людей, тем лучше. Они заказали кофе в больших стаканах и вафли, политые сиропом.

— Знаешь, Танюх, сколько я фильмов Американских видел, — уверял Толян, — и все они вафли ели, ну. И мы вот, не хуже.

— Никак не хуже, — улыбнулась Таня. — Даже лучше, Толя. Наши вафли вкуснее. И сироп здесь клубничный, а я его обожаю.

Толян опять порозовел, что было странно. Он сегодня много смущался, неловко сучил под столом длинными ногами и старался говорить чуть правильнее, чем обычно. Пытался произвести впечатление? Но зачем?

Таня тоже разволновалась.

— Слышь, Танюх, я давно хотел спросить, — замялся Толян, — а чо у тебя с сестрой-то?

Ох, нет. Таня очень не любила эту тему. По шкале от одного до ста эта тема занимала почётное девяносто девятое место. Но ему Таня врать не стала.

— Авария. Помнишь, я рассказывала. В ней погибли на-

ши мама и папа. Сестра была с ними.

— Извиняй, — поднял руки Толян, — и что же, она ударились головой и теперь... ну.

— Что ну?

— Она того? Не соображает?

Когда говорили, что сестра сумасшедшая, Таня всегда сердилась. Вот она, крайняя, сотая тема, которую лучше не трогать.

— Нет! — крикнула она и смутилась. На них обернулись.

— Нет, она нормальная. Прости. При аварии мои родители погибли, а сестра пострадала. Она сильно ударилась, повредила позвоночник и мозг. Просто чудо, что она всё же ходит и говорит. Да, не слишком хорошо ходит, и плохо разговаривает, но это мелочи, понимаешь?

— Понимаю, — грустно сказал Толян. — Значит, это и есть твоя тайна?

— Что за тайна? — не поняла Таня. Она немного успокоилась, увидев, что Толян не смеётся над Инной.

— Ну типа, знаешь, — покачал головой парень, — я по телеку видел. Там говорили, что у каждого есть тайна, которой они не хотят делиться.

— Да, эта тема не входит в топ моих любимых, — вздохнула Таня. — А у тебя есть такие темы?

— Есть. — Толян так смутился, что начал оглядываться по сторонам, словно в поисках путей отступления. — Но я типа не могу пока сказать, понимаешь? Это, как бы личное,

ну?

— Хочешь сказать, мы недостаточно знакомы для этого? — улыбнулась Таня, глотнув кофе. Тот был крепким, но вкусным. Пенка из молока, две ложки сахара — всё, как она любит.

— Нет, просто личное, Танюх.

— Понятно. А ты пробовал вафли?

Весь вечер они болтали, как заведенные. О чём угодно: сумчатые животные, автомобили, фильмы. У Толяна была удивительная способность — любое своё незнание он превращал в преимущество. Не читал Диккенса? Зато смотрел передачу про детей в Африке. Они тоже, знаешь ли, страдали. Не изучал философские труды? И слава вам, все боги мира. Нужно до всего философского в мире доходить своим умом, разве нет? Философ говорит, что смысл жизни в этом, а ты думаешь — в другом.

— Разве не так, Танюх? — улыбался он чуть щербатой улыбкой, и Таня смеялась.

Ей всё в Толяне нравилось: чубчик на лбу, светлые ресницы, ямочка на щеке. Он мог считаться красивым парнем, пока не обнаруживалась в разговоре его обескураживающая безграмотность. Таня думала, что это несправедливо. Толян не виноват, что не получил достойного образования. Он учился бы хорошо, если бы не пьющие родители, бросившие детей. Толян был бы самым умным в классе, и, возможно, в университет поступил бы. Но он и так был неплох. Стро-

ил прекрасные домики из вафель, и когда солнечные лучи запрыгали по железным подносам официантов, тут же предложил игру. Он провел черту клубничным сиропом, прямо посреди стола.

— Давай так. Когда солнечный зайчик будет на твоей стороне, ты сделаешь глоток кофе и расскажешь то, что никогда не делала. А если у меня, то я.

Таня согласилась. Зайчики легко проникали в их окно, скользили по блестящим подносам снующих мимо официантов и не оставляли их без глотка кофе.

— Я никогда не был в Китае.

— Я никогда не пила виски.

— Я никогда не был в Индии.

— А я никогда ещё не проваливала экзамены.

— В Америке тоже не был.

Таня быстро уловила путь этого пройдохы.

— погоди, а хоть где-нибудь ты был?

— Не-а, — улыбнулся Толян, обнажая щербинку и сверкая ямочкой. — Нигде, кроме нашего города, я не был.

— Тогда это нечестно, — насупилась Таня. — Ты будешь перечислять страны, в которых не был, а я душу свою наизнанку выворачиваю.

— И впрямь, нечестно. Давай следующее мое признание вот прям как в ток-шоу будет.

Они замерли, ожидая очередного маленького служащего солнца. Кофе в стаканчике заканчивалось, но ни Таня, ни

Толян не хотели признаваться в этом и пили остатки мелкими глотками. Виданное ли дело, тридцать рублей за стаканчик кофе. Наконец, лучик попал на ту сторону, где лежали локти Толяна.

~ Эх, ну ладно, — решился Толя, — так, что там. Эмм, я никогда... не ел ананасы. На медкомиссии при военкомате я сказал, что у меня на них аллергия. Военком смеялся. Из-за этого не ставят «не годен», понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Таня, — Так ты служил?

— Не-а, — беззаботно ответил Толян, — у меня порок сердца.

— Что? — опешила Таня. Это серьезное заболевание, его не будешь упоминать, попивая кофе.

— Да не бойсь, я таблетки пью. И не такая уж здоровая у меня дыра. Просто мамаша, когда беременная была, всю дорогу пила, понимаешь? Вот и вышло так.

— Ого, — она отпила кофе, переживая его проблему, как свою, — прости. Это твоя тайна?

— Нет, не эта, — отмахнулся Толян, — есть похлеще. Братки с района узнают, не поймут, понимаешь?

— Понимаю.

И в этот момент лучик опустился прямо на её ладонь. Появился, чтобы тут же исчезнуть — солнце село, и кафе погрузилось в приятную полудрему сумрака и милых шепотков. Таня могла сделать вид, что не было этого последнего лучика. Но он был, и Толян его видел. Он открыл одну из

своих страшных тайн, теперь была очередь Тани. Она поймала его взгляд, полный интереса и, о боже, любви. Таня могла ошибиться, но вот так, не дыша, в фильмах смотрели только влюблённые. Что же ей рассказать? Да и глоток в стаканчике остался только один. Может, о том, что больше всего на свете она боится потерять сестру-инвалида?

На месте Инны должна была быть она. Это часто снилось ей, и это могло стать тем, что считают личной тайной. Они хотели поехать всей семьёй, но Таня заупрямилась, разревелась из-за пустяка, и в кино отправились без неё. В наказание. Тане было пятнадцать, а её сестре семнадцать. Затем — мучительные часы в неведении: должны уже приехать, но нет и нет. И после — звонок из полиции. Голос не был бездушным, как говорят в кино. Девушка на том конце провода оказалась ужасно не профессиональна. Она рыдала вместе с Таней.

— Простите. Я вынуждена сообщить... Ваши родители погибли в автокатастрофе... Грузовик навстречу. Ваша сестра не была пристегнута. Она вылетела на встречную полосу. Она жива, одна из всех. Простите. Простите.

Сколько ей было, той девочке? Едва ли больше двадцати. Она плакала вместе с Таней, давала советы. Именно она помогла Тане. Не психологи, не социальные работники. Их с сестрой взяла к себе бабушка Маша, мама отца. К сожалению, бабушка умерла, когда Тане исполнилось восемнадцать. Зато она помогла с покупкой квартиры. Продала

их родительскую трёшку и купила на Вишнёвой, поменьше. Оставшиеся деньги должны были пойти на образование Тани, и на лечение Инны, но почти все ушли на лечение. Хорошая новость — Инна стала ходить и говорить. Плохая — учёба Тани была оплачена на три года, летом нужно было снова искать деньги. Все ее заработки уходили на их квартплату, на таблетки для Инны, лечение и еду.

— Так чё, Танюх? — спросил Толян.

И Таня сказала, только совсем не то, что планировала. Они сама не поняла, почему именно эти слова выскочили, как чёрт из табакерки:

— Я никогда не занималась сексом.

Повисло молчание. На соседних столиках тоже. Таня готова была сквозь землю провалиться. Неужто она это сказала? Ужасно. Сейчас Толян подумает, что она...

Толян покраснел пуще неё, но бодро ответил:

— Ну и что? Это ж, хорошо, Танюх. Ты должна, как это...

— Как что?

— Ну, не знаю. Как знамя это носить. И стыдиться тут нечего, слышь?

— Ну да, — вздохнула Таня, — может быть, это потому, что я некрасивая. Или потому, что я с больной сестрой всё время.

— Пф-ф. — Толян рассмеялся, но Таня поняла, что не над ней. — Некрасивая? Да ты красивее всех в этом городе, ну. Ты в зеркало-то себя видела?

Тане это очень понравилось. Не потому, что её называли красивой, а потому, что сделали это искренне. Дима каких только слов ей не говорил: и красивая, и фигура у неё классная. Таня никогда не рассказывала ему про Инну. Про скромную квартирку, где требуется ремонт, и про могилы родителей не говорила. Диме не смогла, а этому парнишке всё рассказала. И здесь ей подумалось: если даже порок сердца — это для него не главное, то что главное? Что держит в душе этот парень с глазами, как у олененка Бэмби? А вдруг они поженятся? Ну вдруг? И он скажет:

— Прости, Танюха, но я убиваю котят. А, и та соседка сверху, Маринка, помнишь? Она от меня беременна.

— А Маринка от тебя не беременна? — вырвалось у неё. Ну что за язык?

— Что? — удивился Толян.

— Что это за тайна, которую ты не можешь рассказать мне?

Повисло молчание. Толян поерзал на стуле, будто решаясь на что-то.

— Я вышиваю. И еще вяжу.

— Что? — опешила Таня. Возможно, она его не так поняла. Наверное, какой-то сленг, которого она не знает.

— Вяжу кофты, шарфы. Плету фенечки, вышиваю картины. Бабушка научила. Потом она умерла. Вот так. Сначала в память о ней, а потом понравилось. Всегда есть чем заняться, и отвлекает от всяких уличных дел. Вот этот свитер я сам

вязал, к примеру.

Таня засмеялась — не над Толяном, а то облегчения. Вяжет, плетет, вышивает. Как это мило. Слава богу, что она не озвучила догадку про котят. Но Толян её смех понял по-своему. Он изменился в лице, поерзал на стуле, повернулся и пошёл к выходу.

— Толя, подожди!

Он шёл так быстро, что Таня еле нагнала его, уже за дверью кафе. Слава богу, они за всё заплатили заранее.

— Почему ты ушёл? — Она взяла его за локоть и повернула к себе. На мгновение ей показалось, что он плачет, но, скорее всего, это были капли дождя. Под козырьком их скопилось немало.

— Так и думал. Тебе смешно. — Голос его был до того грустным, что у Тани сжалось сердце. Вишнёвая улица в апреле была невзрачной: не было пока цветущих деревьев и клумб, лишь лужи на мокром асфальте, терпкий запах влажной земли и пирожков из киоска, но всё это Тане нравилось. Это была их с Толей весна.

— Я не смеялась, просто обрадовалась. Мне очень нравится твоё увлечение, Толя, — улыбнулась Таня, и он улыбнулся в ответ.

— Круто. А я, знаешь, на конкурс подался.

— Правда?

— Ну. Вот, гляди, статья. — Он вынул из кармана мятую газету. — Двадцатого итоги.

Они шли домой, вдоль полутемной Вишнёвой (Яшка Баклан опять разбил пару фонарей), и смотрели вырезки из газет.

— Ты обязательно победишь, — восхищалась Таня. На коврике была изображена дорога, клубы дыма и грузовик. — Очень талантливо.

— Скажешь тоже, — засмущался Толян.

— Точно.

Так, Толяну стали известны тайны Тани, а Тане — тайны Толяна. Были ли они такими, что никому не сказать? Возможно, да, возможно, нет. Но были они такими, которые можно доверить лишь близкому человеку.

Летопись 7.

Нина

Выгрузить ящики с овощами. Помочь Тамаре заполнить полки. Понять, как работает электрический щиток.

Весь день Терри разбит на небольшие приключения. Пока выгружал ящики, увидел красивую машину, — яркая реклама по борту, блестящие фары, а колеса какие, ух! Пока заполняли полки, прочитал, как готовится плов. Надо будет запомнить.

Пока с приготовлением пищи у него не очень ладилось. Быстрорастворимая лапша, пельмени и картошка, которую он любил, и быстро научился варить — вот и весь рацион. Во внешнем мире всё было интересным, и почти всё вкусным. Каждый день Терри пробовал что-то новое или новое узнавал. Например, знали ли вы, что пельмени можно не только варить, но и жарить? С картошкой всё иначе — когда варишь, нужно внимательней следить за ней. После того, как вода выкипит, картошка начинает не вариться, а жариться. И это уже не особо вкусно.

После того как Терри месяц прожил в своей квартире и получил первую зарплату (два этих события совпали в датах), Тамара попросила заглянуть его в почтовый ящик и принести всё, что там лежит.

— Но мне никто не пишет, — удивился парень, — зачем туда заглядывать?

— Там наверняка полно квитанций, дурень, — миролюбиво ответила Тамара, расставляя товар. Терри помогал ей, доставая молоко из коробки.

— Каких ещё квитанций?

— За газ, свет и тепло. Много за что. Ты живёшь в квартире и пользуешься коммунальными услугами. Если не будешь платить за них, тебя выселят.

— Правда? Ого, — расстроился парень. Он думал, что всё это бесплатно.

— Никогда не забывай это делать и сразу откладывай деньги, когда будешь получать зарплату. По первости я помогу тебе, подскажу как платить. За газ платить в Горгазе, за свет и тепло — в домоуправлении.

— Горгаз? Что это? — Терри казалось, что Тамара говорит на другом языке.

— Завтра у тебя выходной? У меня нет, но я подменюсь с Катюхой. В первый раз ты один не справишься.

Почему Тамара так возилась с ним, Терри было непонятно. Она одна воспитывала двоих детей, присматривала за сестрой, которой было девятнадцать, а тут еще он на ее голову. В то февральское воскресенье они действительно отправились и в Горгаз, и в домоуправление, и даже в банк. В банке Терри завели собственный счет. Он вышел оттуда с таким чувством, словно купил квартиру или машину. Виданое ли

дело, счет в банке. Теперь он точно, как взрослый.

У кассы домоуправления он собрал немалую очередь. Нужно было заполнить графы с показаниями счетчиков, заполнить карточку с именем и фамилией. Терри краснел и смущался, потому что писал медленно, боясь ошибиться, а люди, стоявшие за ними, ждали. Хорошо, что Тамара терпеливо поправляла его:

— Ничего страшного, не обращай внимания.

— Но я почти ничего не запомнил, — сокрушался Терри.

— В следующий раз снова с тобой пойду. Научишься.

В третий раз он всё заплатил сам. С приходом весны Вишневая улица преобразилась. Теперь она оправдывала название. Цвела вишня и черемуха, в воздухе носились пьянящие ароматы, гудели сонные пчелы. По обочинам распустились первые одуванчики, резво мелькали бабочки с жёлтыми крыльшками. Во дворе приюта площадка была залита бетоном, и Терри никогда не видел столько цветов сразу. Одним апрельским днем они с Тамарой отправились за покупками. Парень крутил головой и сообщал интересные находки:

— Гляди, какой огромный жук.

— Это Майский жук.

— Так и называется? Откуда ты всё знаешь?

— Поживешь с мое, будешь знать ещё больше.

Терри переполняли чувства, но выразить он их не мог. Тамара так много помогала ему, хотя была вовсе не обязана. Под ноги шмыгнул серый кот, которого Терри машинально

погладил. Животных он любил, но заводить дома боялся. Он и о себе-то не мог позаботиться, а здесь маленькое существо, которое от тебя зависит.

— Почему ты помогаешь мне? — Они пришли к торговому центру с прилавками на улице. На этом рынке продавали картошку, овощи, рыбу и много чего интересного. Терри вызвался помочь Тамаре отнести домой картошку.

— Так и ты мне помогаешь. Вон, картошку домой отнесешь. Нам с ребятами надолго хватит, — невозмутимо ответила Тамара, расплачиваясь за продукты.

— Я помогаю мало.

— Ничего. Разницы нет. Разве друзья измеряют, сколько пользы принесли друг другу? Они просто помогают, и всё. Потому как — а кто тебе поможет, кроме друзей? Хватай-ка пакет.

Терри взял пакет. В первые дни на работе ему приходилось трудно — руки были слабыми, ноги тряслись, спина болела. Теперь дело обстояло лучше. Привык. Только когда они подошли к дому Тамары, он, наконец, переварил услышанное. Недаром тётка Лилия говорила, что он тупой.

— Так мы друзья, получается?

— Получается так. Заходи.

Они зашли в узкую прихожую, где кроме обувной полки и вешалки умудрился поместиться детский велосипед. По полу валялись игрушки, к ногам кинулась маленькая рыжая собачонка.

— Мам, гляди, вот какую я башню нарисовал.

— Я ему помогала.

— Нет, я сам!

Девочке было лет девять, а мальчишке и того меньше. У Терри закружилась голова от собачьего лая, детских криков и тесного пространства. У него в квартире было потише. Вернее, совсем тихо.

— Нина, иди сюда. Опять в тетрисе зависла? — крикнула Тамара вглубь комнаты.

Здесь-то Терри и увидел Нину впервые. Хотелось бы сказать, что Нина была невероятной красавицей, или же что он влюбился с первого взгляда. Нет, такого не было. Но Нина была приятной внешности — русые волосы, заплетенные в косу, серые глаза, под застиранным синим халатом угадывалась неплохая фигура.

— Чего?

— Картошку возьми, чего.

Нина приняла пакет из рук Терри, с любопытством его оглядывая. Под ее внимательным взглядом парень покраснел.

— А это кто? Откуда ты выкопала такое чудо? Не молод для тебя, сестрёнка? Он чуть старше Василька.

— Мне восемнадцать, — ещё пуще покраснел Терри. Васильком звали сына Тамары.

— Отстань от мальчишки. Мы вместе работаем. — Тамара не обратила внимания на колкости сестры и присела, сни-

мая ботинки. Она устало прислонилась к стене, закрыв глаза. — Проходи, Терёсь. Сейчас суп подогрею.

Суп был очень вкусным: гороховый, с копчёными рёбрами. Терри никогда такого не ел.

— Вкусно. Это ты готовила? — спросил он у Тамары, подсыпая в тарелку сухарей. Люди, умеющие готовить, вызывали у него искреннее восхищение.

— Нина. Хотя какая-то польза от этой бездельницы, — ответила Тамара. — Мама наша умерла в прошлом году, а отец уж лет десять как помер, вот и свалилась мне сестра на голову. В институте еле сессию сдала, лучше бы в колледж поступила. Ещё и работать не хочет, хотя время свободное есть.

— Я хочу, — сердито ответила Нина. — Просто не могу найти работу.

— В киоске возле нас требуется продавец, — парировала Тамара.

— Продавать сигареты? Ты такую судьбу для меня видишь? — Нина перестала есть. Ребятишки, Лена и Василёк даже не вздрогнули, деловито дуя на суп в ложках. Видимо, такие разговоры сестёр они слышали часто.

— Конечно. Не барское это дело, верно? Тебе бы замуж, да за богатого, вот какую судьбу хочешь, — фыркнула Тамара. Ругалось она не зло, а всё так же устало. Словно включила песню, которую уже слушала не раз.

— А хоть бы и так?

— Удачи. Когда обожжешь крылышки, поймёшь, что я была права. Только поздно будет. Бросит тебя твой богатый, с ребёнком на руках.

— Ты так говоришь, словно он у меня есть. — Нина повернулась, чтобы сполоснуть в раковине тарелку, а Тамара посмотрела на притихшего Терри.

— Кушай, ты чего?

Терри доел суп и встал, чтобы тоже вымыть тарелку, но Нина забрала её.

— Давай сюда. Ты же в гостях.

— Будто я не знаю, — сказала Тамара, убирая за детьми. — Есть у тебя мужик. Видела вас Катюха.

Повисло молчание. Нина перемыла посуду, а Терри вдруг заторопился домой.

— Пойду я. Деду Антону обещал помочь починить заборчик в огороде.

— Иди, — миролюбиво сказала Тамара. — Деньги на счету пусть так и лежат, не снимай без надобности. Пусть будут на черный день.

— На какой день?

— Ну, знаешь, вдруг труба потечет в ванной, или ботинки порвутся, а у тебя денег нет. Надо всегда иметь запас.

— Хорошо, — кивнул Терри. Он обулся, погладил собаку, попрощался с Тамарой, Леной и Васильком, а на Нину и не взглянул. Постеснялся.

С тех пор прошло около недели, начался май. В один из

дней, после Первомайских праздников, Тамара пришла на работу явно не в духе. Терри, который до этого два дня работал с Катюхой, успел соскучиться по ней. Ему хотелось пересказать новости, всё, что за два дня накопилось.

— Внучка Кира Сергеича, Алёнка, научила меня штопать штаны. Она увидела, что у меня брюки порвались, и показала, как зашить.

— Ты что же, штаны перед ней снимал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.